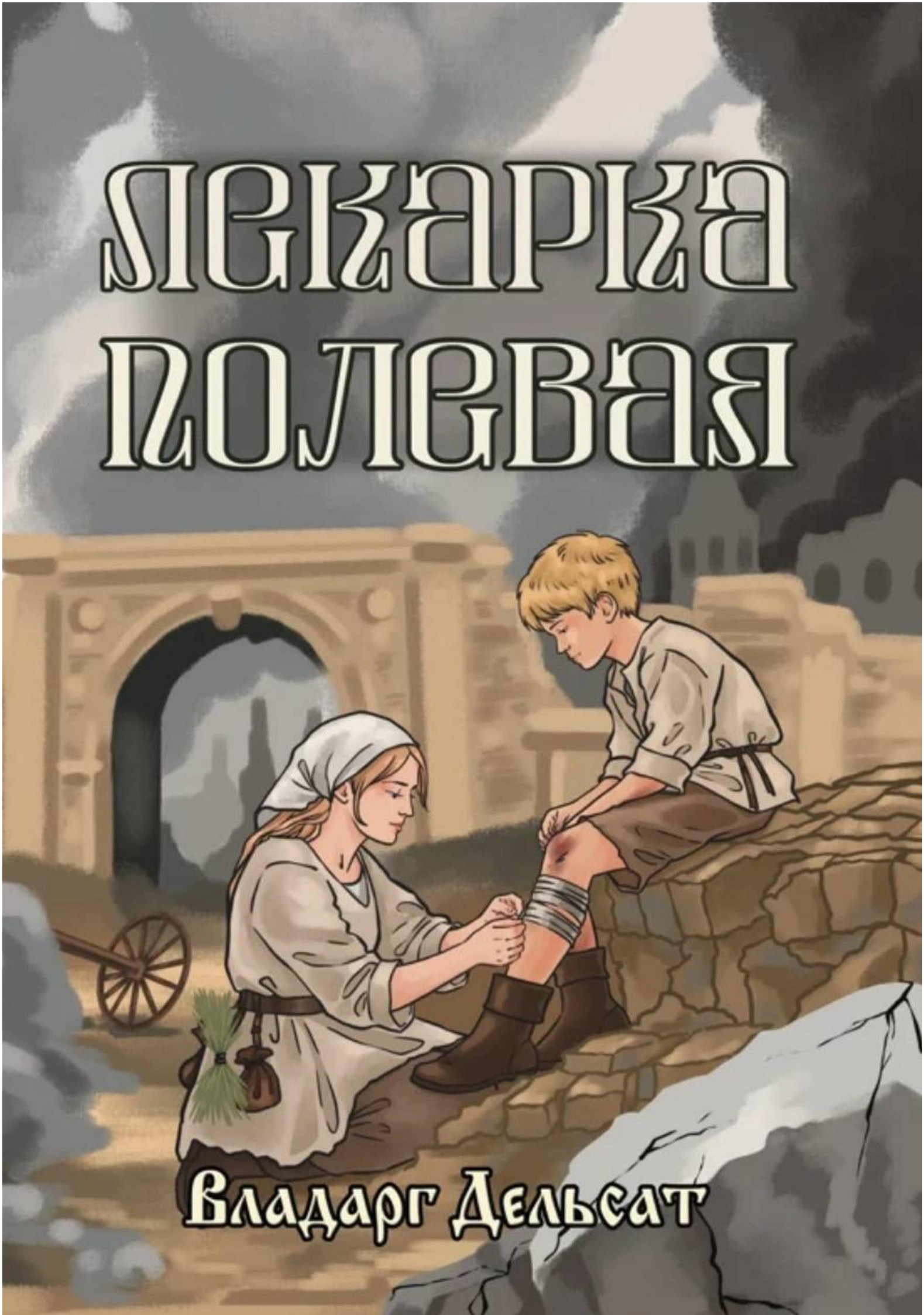
Лекарка полевая

Владарг Дельсат

Владарг Дельсат

Лекарка полевая

«Автор»
2026

Дельсат В.

Лекарка полевая / В. Дельсат — «Автор», 2026

Ждана мечтает стать лекаркой и лечить детей. Но неожиданно её, ещё школьницу, принимают в Скорую лекарскую помощь Китежграда. Теперь у неё настоящая служба, зелёная колесница, опытная наставница и вызовы, на которых приходится действовать быстро. Ждана так счастлива, что даже в выходной приходит на работу.Дома её ждут родители и домовой Потап Михалыч, в школе — подруги и испытания у самой Яги. А впереди, кажется, целая жизнь, в которой обязательно сбудется всё задуманное.Но однажды над Китежградом раздаётся тревожный звон. Кощей объявляет, что враг напал на Тридесятое государство. И вскоре родной город Жданы оказывается в осаде.Ждана всегда думала, что самое важное — научиться спасать людей. Но что делать, если помощи ждёт целый город, а тебе самой всего шестнадцать?

© Дельсат В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

О том, что предвещает 5
О травницей ставшей 9
О службе важной 13
О сладости нежной 17
О мирном последнем дне 21
О сгустившихся тучах 25
О жизни в осаде 29
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Владарг Дельсат
Лекарка полевая

О том, что предвещает

Утро занимается над древними башнями Китежграда. Они помнят и то время, когда град наш просто Китежем звался, но великий Кощей, что свободу всему люду принес, повелел его Китежградом звать. Мне нравится это имя моего любимого города, от него он величественней стал. В пору царя грустно бывало здесь, но вот уже больше двадцати пяти весен свободны мы.

Молва бает разное, но прислушиваться к ней осторожно надобно. Люди бают, что царь не таким был и дурным, только не очень умным. Повелел он Тридесятое хранящего Кощея-батюшку изловить, да служить лишь ему заставить, да возмутился люд простой и тогда позвал великого Кощея на царство, да только иначе решил Вождь наш бессмертный. По Правде рассудил он, и теперь в Свободном Тридесятом Государстве живем мы.

При царе не было прав у девиц, почитай, никаких, а теперь равны мы с мужами во всем. И даже, бают, в деле воинском. Того не видела я еще, а вот лекарское дело всегда уважаемо было, и лишь девица его освоить может, потому как дар ведовской тут нужен. А мужи дар иной имеют, колдовской, отчего они, к примеру, печки водить могут, да на горынычах летать.

Матушка сегодня с самого утра трудится в лекарне детской. Кощей-батюшка повелел все лекарни разделить, детям одни, а взрослым другие, ведь разные они. Вот и у нас в Китежграде лекарня для деток имеется. А так как шестнадцатую весну отпраздновала я уже, то обещала матушка меня к делу пристроить. С малых лет я до лекарства охоча, и даже есть во мне дар к этому. Сама Яга так сказала!

Нынче же в школу собираюсь я. Скоро будут испытания класса предпоследнего, а там и каникулы. Это время, когда отдыхать требуется, но не мне, конечно. Моя мечта исполнится этим летом — войду я в лекарню не маминой дочкой, а младшей травницей. Знания у меня уже есть, да только больше книжные, и матушка знает это, но я смогу стать не только младшей, а потом уже и в лекари пойду.

Школа наша лесная находится незнамо где, но на деле где-то около Златограда. Надев одежды ведовские, мое право подтверждающие, белым поясом чистоты помыслов подвязываю я зеленое платье. Неважно, где живешь, ведь в школу тропка ведовская ведет, оттого и не спешу совсем. Откуда не выйди, а будет до школы четверть часа всего — то чары древние, самой Яги. Она школой верховодит, потому как самая главная ведунья в Тридесятом царстве.

— Здравствуй, Потап Михалыч, — я кланяюсь в угол, где по обычаю блюдце с молоком стоит. — Дозволь завтрак у тебя попросить.

— Отчего ж не накормить красу такую? — доброты полный его ворчливый голос доносится откуда-то из угла. — Садись, Жданушка, испробуй каши рассыпчатой.

Ой, здорово как! Домовой наш мою любимую кашу приготовил. Они, домовые, — нечисть по старым понятиям, конечно, да только надо к ним с любовью и вежеством. И тогда они тоже с лаской обращаться станут. А Потап Михалыч самый лучший домовой на свете, и никто меня не переубедит. Вот и сейчас даже с собой едь приготовил он, в холщовой сумочке.

— Батюшка весточку не слал ли? — интересуюсь я.

— Обещался к испытаниям школьным быть, — слышу я улыбку в голосе Потапа Михалыча.

— Благодарю за весть, — радуюсь я.

Батюшка мой старшина в сотнях граничных в пределах западных. Матушка думала к нему отправиться, но решила отложить, пока я школу не окончу. Оттого каждый его приезд для меня радость великая. Назначили его совсем недавно, и трех месяцев не прошло, но скучаю я, конечно же…

— Благодарствую за завтрак, Потап Михалыч, — кланяюсь я, доев. — Очень вкусно! И за едь с собой тоже!

— Вот и молодец, Жданушка, — отвечает он. — Собирайся в школу, пора тебе.

Взглянув на оберег ручной, замечаю я — и вправду пора. Тропка путеводная не от самого дома идет, потому надо до городских ворот еще добраться. Можно пешком, а можно и на печке самоходной. То Емельяна изобретение стародавнее: и люд возит, и товары всякие, а имеются еще боевые, только выглядят они иначе, да огнебоями снаряжены.

И вот я собираюсь в школу, которой совсем немного осталось — седмица или две, потом испытания и лекарня. Здорово же? Вот и я так думаю, выходя из терема нашего невысокого. А вот и печка тут как тут, как раз десятый номер, на боку у нее начертанный. И спешу я, чтобы люд не задерживать. Сажусь на место свободное и в слух обращаюсь, потому как все новости в печке услышать можно.

— Неспокойно в пределах дальних, — негромко говорит бабушка незнакомая в форменном платье травницы. — Бают, войско туда тянется.

Это она от памяти старой, ведь кто же решится на Тридесятое наше напасть? Всяк знает, что войско наше сильнее всех. Нет же дураков на нас войной идти? А с немцами на западе договор справил Кощей великий, чтобы не боялись они нас. От страха-то мало ли что сделать можно, вот и решил наш Вождь успокоить их, дабы не думали, что нам их земли надобны.

— Люди бают, девок во всем равными считать повелели, — слышится с другой стороны старческий голос.

Ну да, не всем по нраву, что Кощей каждого по Правде судит, а не по платью. Нравились им старые времена, душителям, да только больше нет их власти, а только наша, народа свободного, вот так. А еще речи у деда старого опасные, за такие и на Север уехать можно, чтобы снег убирать, коего много там очень.

Соскочив с печки на своей остановке, я спешу за ворота городские, чтобы на тропку заветную встать. Стража только улыбается, меня выпустив, а я через мгновение долгое уже промеж деревьев иду. Путеводная тропинка лишь ведуньям подчиняется, таким, как я. Этому еще в самом первом классе учат — как попасть туда, куда нужно, и не заплутать. Заплутать, впрочем, задача сложная…

И вот иду я к школе нашей, косу назад закинув. Коса ведуньям по форме положена, так Яга сказала. Для однообразности и чтобы в воздухе красиво смотрелась, а не кикиморой из болота. И хоть обычно из школы ведовской выходят те, кто ступу освоил, но есть и особые случаи — как я, например. Дар у меня хоть и ведовской, только не летучий, а как у Несмеяны, царевны бывшей, — лекарский. Разные дары существуют, потому плакать нечего, ведь по нраву мне лекарское дело, а вот, к примеру, Лада — она в небе живет. Будто там остаться хочет, но не облако человек, не может навек в небе остаться.

А Яга дисциплину очень строгую устроила. Хоть и запретил Кощей вразумлять, как во времена стародавние, да тоже ничего хорошего не будет, если нарушать стану. Так что примерная я ученица, и не из страха, а чтобы похвалили.

***

Большой терем на двенадцать этажей стоит на лесной поляне — это школа наша. Внутри она-то намного крупней, чем снаружи, потому как учебных классов видимо-невидимо. Вот вижу я сейчас Варвару, подругу Лады, что нетерпеливо перед крыльцом вышагивает, на оберег

ручной поглядывая. Знать, вести у нее интересные, да только не для меня, потому как летницы они обе, а я лекарка.

Улыбнувшись подруге школьной, я в терем вхожу, к дощечке подъемной устремляясь. Ежели нарушу дисциплину, то ножками придется, а так как нет, то встаю я ногами на нее, вверх взлетая. Не люблю я летать, как и все лекарки, ведь иной у нас дар совсем, но и ножками бегать на шестой этаж тоже так себе радость. Потому терплю я, на этаж наш взлетая да к классу устремляясь.

Во времена древние назывались классы горницами и даже те, что для вразумления были, да только повелел Кощей Великий всякой вещи понятное имя дать, вот и стали они классами. Учатся в классах, а горницы вразумления остались во тьме времени еще до того, как матушка меня Китежграду родному подарила, ведь учениц надобно вовсе не пугать, а наукам да премудростям обучать. За то поклон Вождю нашему от всех детей Тридесятого.

Класс наш второй от окна углового, и девицами он полнится, ведь не могут девицы с молодцами в одной школе учиться. Природа силы у нас разная: наша — ведовская, а их — колдовская, и разница в том огромная. Так что никакой тайны, а только разность в обучении из-за сил наших. Да и то, ладно очень, что порознь мы учимся, нет никаких томлений, а лишь наукам отдаем мы силы свои.

Первый урок у нас чаровнический, о ступах мы сейчас говорим. И хоть не летать лекаркам, а все на свете знать надобно. А ну как нужда будет занедужившего в лекарню доставить? Вот то-то и оно. Ладе или Варваре-то в радость только, а мне не слишком, но и не страшно вовсе. Вот, кстати, и они, легки на помине. Улыбчивы и удивлены обе, что о многом говорить может. Но за ними и учитель наш уже ступает, отчего размышлять я потом решаю.

— Здравия вам, девицы пригожие, — Берендей Потапыч высок, ладен и, несмотря на длинную белую бороду, очень даже интерес вызывает. — Кто молвит, что было у нас в прошлый раз? Есения?

— Здрав будь, Берендей Потапыч, — поднявшись из-за парты, крышку оной подняв, поименованная отвечать принимается. — В прошлый раз мы говорили о чарах поддержания ступы в воздухе и действующих на нее силах.

— Очень хорошо, — хвалит ее учитель наш. — Проверять не буду, ибо сегодня разговор наш о летучем корабле пойдет.

Очень даже любопытно, с чего вдруг Берендей Потапыч тему-то перескочил? Ступы нам, по учебнику судя, до конца года изучать следовало, а он вона, о летучих кораблях заговорил, которые вообще не наша забота. Их мастер Данила для мужей создал, дабы могли они по небу летать на кораблях огромных, оттого различие между ними и ступами теми же огромно просто. Отчего же вдруг тему сменил наш учитель? Необычно это…

— Как вам известно, летучий корабль был создан мастером Данилой как транспорт для преодоления значительных расстояний, — Берендей Потапыч напоминает нам историю. Ну, один из ее вариантов, что правильным считать Кощей-батюшка повелел. — Давайте рассмотрим его устройство.

На доске большой черной появляются уравнения сил. Потом еще корабль в разрезе, корабль сверху и снизу. Ну а мы, конечно же, аккуратно переписываем в тетради бумажные. Это несколько скрепленных листов бумаги белой так зовутся. Во времена царя все больше на бересте писали, но Кощей Великий даже о нашем удобстве подумал. Все же хорошо, что решил он власть в свои руки взять, да свободу простому люду принести.

В изобретениях всяких сильно государство наше. Вот только неспокойно мне на душе — отчего мы о летучем корабле нынче заговорили? Вот и Лада хмурится, знать те же мысли ей в голову приходят. Лекарок будущих у нас пятеро всего — четверо, кроме меня: Весна, Зоряна, Любава и Милада, а остальные по ступам, только тех, которые лучшие, шестеро всего, а Лада самая-самая, будто небом рожденная.

Звенит колокольчик, а учитель наш, речи прервав, быстро собирается и уходит, что меня удивляет сильно очень. Против его обыкновения это — так быстро класс покидать. Вижу я, что и Лада с Варварой переглядываются, трапезничать затем принимаясь. Это они правильно придумали, ведь следующий урок у нас с Ягой самóй, а перед ним подкрепиться надо, да цифирь из головы выбросить. Ну-ка, чем меня домовой наш порадовать решил?

Пирог рыбный из сумы холщовой появляется. Отчего рыбный, то ясно — в рыбе много чего для ума предназначенного, а я еще и тепло улавливаю, знать зачарована рыбка. И действительно, тает на языке пирог, будто на живой воде сотворенный, а голова вмиг очищается, и сил прибавляется. Не очень это обычно, да только задумываться мне не хочется, и так загадок множество сегодня.

Можно на перемене, которая промеж уроков придумана, на улицу выйти под солнышко весеннее, да только не хочется мне. Спокойно мне в классе нашем, умиротворение после еды снисходит. Совершенно точно пирог зачарованный, иначе отчего от него такое состояние у меня? Но для таких чар причина надобна. Неужто знает Потап Михалыч что, от меня до поры сокрытое?

Но снова звенит колокольчик, на урок всех сзывая, и точно вместе с ним в классе Яга оказывается, будто из воздуха соткавшись. Она с вниманием на нас смотрит, что значить всякое может. Может, и что-то плохое, потому все мы разом всевозможное внимание вмиг на лицах изображаем. Злить Ягу мысль очень плохая, а нам несложно.

— Считайте, оценила, — кивает она, усмехаясь по обычаю своему. — После уроков Лада, Варвара, Смиляна, Краса, Злата и… хм… Власта, будете за теремом школьным ждать. Все поняли?

— Да, матушка, — хором отвечают поименованные, потому как иного ответа быть не может.

— В таком случае поговорим о горицвете, — будто и не говорила о другом, произносит легендарная наша.

Вот оно в чем дело — летниц она отобрала для какого-то дела важного. А у остальных обычные уроки, наверное. Хотя сегодня у лекарок особенный урок, и там может для нас быть нежданная новость, а то я Ягу не знаю. Но пока мы говорим о горицвете и упаси Кощей отвлечься. Точнее, говорим мы о травах лекарских, и вот это заставляет меня все внимание на Ягу-матушку направить, потому как лишних слов у нее не бывает, а раз начала она о травах говорить, то будет нам и испытание.

О травницей ставшей

Необычное что-то творится в Свободном Тридесятом Государстве. Вчера до вечера самого нас пятерых с даром лекарским учили полевому ремеслу, чего не делалось никогда, упредив, что будет отдельное испытание для нас. Лада с Варварой с утра заморенные, будто всю ночь не спали, да и другие девчата устало глядят, к терему путеводными тропками двигаясь, ведь сливаются тропинки у терема школьного. А нынче у нас урок истории…

Как правильно историю учить надобно, Кощей указал. При Елисее, царе бывшем, что нынче золотарем промышляет, потому как больше не умеет ничего, историю не учили. А Вождь наш великий указал, что нужно уроки прошлого знать, чтобы смело в будущее идти. Вот сегодня у нас опрос, и спросить могут что угодно. Я же тропинкой путеводной иду, припоминая все, что помнится об особом положении Тридесятого Государства.

Государство наше сказочное, значит, на сказках людского мира возникло, оттого все происходящее в нем отражение свое у нас имеет. Как и всякое сказочное государство, расположены мы на суше, окруженной морями, за исключением западного предела — там начинается край дикий, немецкий. Так издревле всех чужаков зовут — немцами, а раньше и басурманами звали, да разбасурманили их давно богатыри земли нашей, особенно Добрыня. Оттого и походы его Добрыниными зовут.

С моря-окияна опасность Тридесятому грозить никакая не может, а западный предел на замке. А с моря опасности нет, потому как чары на нем древние, корабли все губящие, вот и остается, что западный предел — и для торговли, и для войны. Ежели опрос о войнах всяких пойдет, знать, готовится что-то дурное. Однако ж я не беспокоюсь — войско у нас большое, самое лучшее, оттого и случись война — сами немцы виноваты окажутся. Кощей чарами своими им враз укорот даст, а затем придем мы на развалившийся Бильскнир смотреть.

— Здрава будь, Зоряна! — я подругу вижу, привычно ее приветствуя.

— Здравия тебе, Ждана, — отвечает она, о чем-то крепко задумавшись, потому я ее за руку беру, к терему школьному направляясь.

Матушка у нее в лекарне воинской служит, а батюшка — на горынычах, только нынче у горынычей учение, ведь юные они, хоть и разум имеют, да не умеют ничего. Вряд ли с батюшкой ее размышления связаны, но расспросы чинить не стану я. Захочет — сама расскажет, а нет, так нет. Вот и дощечки деревянные, готовые нас к классу нашему вознести.

— Люди бают, — вдруг говорит мне Зоряна, — будут нас воинскому уставу учить, ведь во всем равны девицы парням.

— Ну, будут и будут, — пожимаю я плечами, потому как мне все одно.

Наше дело лекарское — рану перевязать да в лекарню свезти, если есть на чем, так что устав воинский не пугает меня совсем. А вот после испытаний будет мне лекарня детская, что я всей душой уже предвкушаю. Ну а пока я подруженьку в класс наш завожу, ведь очень уж задумчива она. А там уже все подруженьки за партами расселись да готовятся, потому как не знать историю чревато — это же прямой наказ Кощея нарушать. И хоть нет уже вразумления школьного, а и знать не хочу, что случится, если ушами хлопать почем зря.

— Здравы будьте, девицы премудрые, — в классе оказывается Марья Ильинична, которую Искусницей молва прозвала. — Присаживайтесь.

И тут я только замечаю, что взлетела из-за парты со всеми единым духом. Обычное это дело, но вот чтобы единым духом, так то впервые, по-моему. Интересно, отчего это? Но тут мою мысль вымывает удивлением, ведь не с опроса начинает Марья Искусница, а карту раскрывает огромную, на которой и земли дикие видны. Только черное пятно страшное на месте земель немецких, вплотную к нашим пределам прижавшихся.

— Три года тому назад немцы двинулись воевать страны окрестные, — говорит негромко Марья. — И пока это нас никак не касалось, не говорили мы о том, да только приблизился немец со слугами своими вплотную к пределам нашим, оттого Кощей в безмерной мудрости своей повелел договор между нами сладить, дабы не было страха промеж нас.

О договоре я знаю, а вот о том, что немец все окрест занял, — нет. И пугает меня пятно черное, да только знаю я, что сильнее мы всех. А договор тот для немцев пугливых больше нужен, потому как любим мы в мире жить, а они, по всему видать, нет. Но наставница наша не просто так нам карту кажет, да увидеть дозволяет. Может, и правду на печке баяли о том, что войско, пределы стерегущее, поближе к ним двинулось.

— Ведомо вам, девицы премудрые, что в Тридесятом отражение имеет всякое, что в людском мире происходит, — продолжает свою речь Марья Ильинична. — А как именно, нам сейчас Смиляна расскажет.

Мир людской сказы сказывает, а у нас они отражение находят. Это всякому ведомо, ведь у немцев то же самое. Не зря заговорила о том наставница наша, по всему видать, непростое что-то у людей в мире, сказок лишенном, происходит. Вот только не ведомо мне, что именно, но у Марьи нет лишних слов. Значит, не поняла я пока, о чем она сказать хочет, и думать надобно. Ну а пока Смиляна всем известный вещи сказывает, я на Ладу кошусь. А она, подруга наша, что-то тайное знает, потому как хмурится.

Звенят колокольчики серебряные, на перемену нас гоня, а я все на месте сижу, да и подруженьки мои. Что-то готовится совершенно точно, потому как не бывает такого, чтобы наставницы просто языком трепали. Ну а у нас сейчас по дарам разделение. Летницы отдельно, лекарки отдельно. Те из летниц, что дар имеют, в небе жить, значит, к Яге отправляются, а иные тоже не даром сидят, у них умения другие, мне неведомые.

— Ну-ка, лекарки, отправляйтесь-ка на двор школьный, — строго Марья Искусница говорит. — Пришло время вас учить науке воинской.

— Хорошо, — кивает Зоряна, а я припоминаю, что отвечать иначе нужно, только не знаю, как.

Интересно, а зачем нас учить мужеской науке? Не скажет то Марья, уж я-то ее знаю. Потому с места поднявшись, отправляюсь, куда сказано. Все, что надобно, совершенно точно расскажут, так батюшка говорит. Все же любопытно мне очень, но я пока интерес свой прикручу, чтобы не принудили бегать. За много вопросов, не ко времени заданных, бегать приходится от зверюшки какой пострашнее. Потому погожу я с вопросами, а пока отправлюсь вниз.

А у терема самого воин стоит, а в петлицах у него пики и что-то значить это должно. Вот сейчас и узнаем, что именно значит одежа такая и что как зовется. А пока я становлюсь прямо, насколько умею, за что добрый взгляд воина заслуживаю.

***

А вот затем меня с гудящими после воинских занятий ногами матушке отдают, прямо из школьного терема. Смотрит матушка, в лекарские одежды одетая на меня и вздыхает только. А чего вздыхает, не говорит. Но ведет она меня за собой прямо в терем большой, на котором символ лекарский обозначен. И понимаю я, что здесь находится.

— Пойдем, дочка, — произносит она. — Горазд с тобой говорить желает, а там и поглядим…

— Горазд? — сильно удивляюсь я, но иду вослед матушке.

Горазда в Китежграде все знают, ведь поставлен он самим Кощеем над службой новой. Она «скорой лекарской помощью» зовется, потому что на колесницах особых прямо к больным лекарей привозит. А это важно очень, когда к больным сразу, потому как время спасает, что для деток особенно важно. Да только шестнадцать мне едва, не положено же, али я чего не знаю?

— Горазд, — кивает матушка, ведя меня. — Рассказала я ему о тебе, да интерес появился… Вот только правила там суровые, выдюжишь ли…

— Ой, да не возьмет он меня, — вздыхаю я, хорошо это понимая.

— Ну а ежели возьмет? — с хитрецой она меня спрашивает. — Тогда что?

— Тогда служить стану, — твердо говорю я ей, потому что понимаю теперь, о чем молвит она.

Над службой этой новой Горазд поставлен, а не лекарка, потому как колесницы колдовской силы требуют, да еще лекарок да травниц оборонить от слова злого. А бывает, что даже родные малышей спасаемых зла хотят. Потому и устроено так. И в Златограде, и в Кощеграде такие службы появляются, а вот отчего именно сейчас, то мне неведомо. И вот дверь, у которой матушка останавливается.

— Представляться можешь травницей, потому как готова ты уже, а как назовет, так и назовет, — вздыхает она, на дверь мне рукой показав. — Иди, ежели не страшишься.

Матушка мне передумать время дает, как будто решено все уже. Это удивляет, конечно, но смело я в дверь ступаю, воинским разученным шагом. Выйдет али нет — то мне неведомо, а в службе новой всяк служить мечтает, потому как нужная она очень. И понимаю я это, ведь смогу я тогда нужной быть, и учиться скоро. Ну а не возьмет, тогда в лекарне детской за малышами ходить стану, что по нраву мне очень.

— Здрав будь, Горазд! — произношу я, даже удивиться не успев, ведь одежды на нем воинские. — Травница Ждана явилась пред очи твои.

— Смела, — улыбается сидящий за столом воин статный. Глаза его синие меня будто насквозь пробурить хотят, остер взгляд. — А скажи-ка мне, травница Ждана, что делать надобно, ежели дитя перед тобой…

И тут он, не дозволяя сесть, опрашивать меня по лекарской науке начинает. Вот тут-то мне все знания мои нужны оказываются. И то, чему в школе учили, и то, до чего сама дошла, книги лекарские читаючи. Отвечаю я ему на каждый вопрос его. А Горазд улыбаться начинает добро. Очень он по-доброму на меня смотрит, затем из-за стола вставая.

— Ну-ка, пойдем со мной, — говорит он мне, и вроде просто предлагает, а только лишь ответ может быть — воинский.

— Буде так, — как меня сегодня учили, отвечаю ему.

— Воинский устав знаешь уже, — кивает он, выходя из горницы широким шагом. — Все полегче будет.

А тут и матушка моя к нам пристраивается, но идет тихонько, будто даже крадется. Все я понимаю — она с ним говорила, чтобы меня взять решились. Это доверие огромное и подарок просто невозможный. Знать, верит матушка в меня, очень даже. А меня ведут коридором длинным, затем спускаться принимаясь, и понимаю я, куда — в мертвецкую. Вот ежели не забоюсь, будет разговор.

И действительно, оказываемся мы в мертвецкой, а на столе специальном лежит девица моих лет с животом вспоротым. Страшно — жуть как, да только показать нельзя, ведь лекарка я будущая. И вот представляю я, что кукла передо мной ростовая, я давеча такие видела. Они как раз для лекарей предназначены. А ее, значит, уже раскрыли, чтобы узнать, отчего померла юная такая.

— Покажи свое умение, — говорит мне Горазд. — Опиши девицу, да причину смерти назови.

— Буде так! — отвечаю ему, на себя верхнюю одежку специальную надевая, а затем уже к столу шагая.

Для начала я общий осмотр делаю, незаметно кожу пощупав. Вот тут мне бы улыбнуться, но пока нельзя — смотрят. Не ошиблась я, кукла это, на ощупь заметно. И вот теперь начинаю

я рассказывать о том, что внутрь ее понапихано, а тут ловушка за ловушкой, отчего мне улыбательно становится. Вот что интересно, показать, что куклу я распознала, али нет?

Обнаружив некоторые органы, лежащие так, как будто всегда тут росли, понимаю — придется признаваться. Потому как вот этих двух отростков у людей не бывает, а только у русалок, а вот эта железа мужская только. Либо надо мной посмеяться вздумали, либо это испытание такое. Потому я с каменным лицом перечисляю все обнаруженное и заключаю:

— Причины смерти быть не может, потому как тело с частично мужскими органами и русалочьими еще, жить не может, — припечатываю я в конце.

— Догадалась, — смеется Горазд. — Причем чуть ли не с самого начала. А как?

— Кожа на ощупь не людская, а кукольная, — отвечаю я ему. — Куклы ростовые из такого материала делают, и хоть похоже, но…

— Берем! — уверенно произносит он. — Совершенно точно берем!

Вот причины его слов я понять не могу. Обернувшись, вижу широкую улыбку и удивляюсь, но молча, ведь все, что нужно, и так расскажут. Поэтому я чары с рук убираю, которые от болезней хранят, и одежу снимаю верхнюю, смирно становясь. Горазд же близко ко мне подходит очень, в глаза вглядывается, только потом говорить принимаясь.

— Служба наша воинской близка, — молвит он размеренно. — Устав блюсти надо будет, ночами не спать, если придется. Подумай, Ждана, готова ли ты?

И я задумываюсь, а матушка мне суть новой службы рассказывает. Колесницы у нас по четверо больных вмещают, которых на лежаках особых размещаются, и готова я должна быть днем и ночью на помощь мчаться. Зато сама служба по воинскому разряду идет, а это значит и питание, и одежа, и опыт. Вот опыт самое, как мне мнится, важное, потому как года через три смогу уже и в лекарки пробоваться. И вот за одно это я на службу согласна.

— Готова, Горазд! — уверенно отвечаю ему.

— Пойдем тогда, — он уводит меня из мертвецкой, а матушка, я заметить успеваю — обережный круг творит.

Уверенно ступаю я в новую жизнь, ведь служба моя интересной очень будет. Все новое манит, а тут и одежа особая, и уважение с ходу, даже несмотря на то, что годами я мала. Везде бы так…

О службе важной

Для всех день выходной, а вот для меня нет. Одежа на мне новая, особая, и травницей я пока называюсь, о чем петлицы мои говорят. Знаки особые так зовутся, они у шеи расположены. Сегодня прямо с утра на службе мне быть надобно, оттого что учиться положено да на колеснице в первый раз кататься. А повезет если, то и в помощь буду.

Мама дома остается, но будит меня вовремя, сразу же на одежу новую указав. Платье очень на воинское похоже, оно висит в воздухе, чтобы не измялось, значит. И очень мне от этой заботы на душе тепло оказывается. Я сажусь завтракать, матушку внимательно слушаю, а она мне наставления дает. У нее, как и у наставниц наших, лишних слов нет, потому и внимательна я, кашей наслаждаясь.

— То, что годов тебе мало, так то не беда, — строго матушка говорит. — В службе новой важны не года, а знания. Они у тебя есть, ну а то, что опыта нет пока, так это успеешь еще.

— Да, матушка, — киваю я, доедая. — А ежели обиды чинить начнут, тогда я в лекарню уйду?

— Никто не обидит тебя, — улыбается она, будто знает что-то важное. — Главное, наказы строго исполняй.

— Конечно, — соглашаюсь я, потому как не обсуждается это. — А платье оно действительно как в войске?

— Да, Ждана, — вздыхает мама. — По воинскому уставу служба создается, как Кощей повелел.

— Ага-а-а… — тяну я и задумываюсь.

Раз воинский устав, да еще и по Кощееву наказу, значит, чего-то я о новой службе не знаю. И матушка тоже, но это не страшно совсем. Все узнается в свой срок, так батюшка говорит, а он точно знает, как по Правде быть должно. А пока я заканчиваю с едью и готова уже вполне. Матушка мне сумочку холщовую дает, чтобы не оголодала я на службе своей новой, и в окно кивает.

А там колесница зеленая стоит, со знаком лекарским на борту. Это что, за мной послали? Я сильно удивляюсь, но матушка кивает, значит, действительно. И я, конечно же, спешу, не желая заставлять меня ждать. Колесница приземистая, но небольшая, я вскакиваю в нее, поздоровавшись на ходу. А внутри ее лекарка сидит и еще кто-то, кого не вижу я. И вот лекарка меня разглядывает с интересом.

— Ну, здрава будь, Ждана, — говорит она наконец. — Имя мне Богдана, можешь так звать или лекаркой, как хочется. За перегородкой сидит Добран — водитель колесницы нашей за номером четыре. Добран, поехали!

— Буде так, — глухо раздается в ответ, и меня в спинку вжимает.

Внутри колесница имеет два сидения — для лекарки и меня, и четыре лежанки, по две одна над другой. Цвет у них лесной, темно-зеленый, и сама колесница того же цвета. У меня под ногами ящик деревянный, а под рукой лекарки указники какие-то, мне непонятные. Сама лекарка в таком же платье, что у меня, но сверху еще положена накидка белая, пока сложенной лежащая. Ну раз она тут есть, как в лекарне, то положена, стало быть. Глаза у нее серые, цвета грозового неба, а волосы темные, но смотрит ласково лекарка, отчего и не страшно мне.

— Сейчас мы с тобой едем в терем наш, — сообщает мне Богдана. — Поучим тебя немного, а с завтрашнего уже и ездить потихоньку начнем.

— Буде так, — тихонько отвечаю я. Ну раз уклад воинский, то так и отвечать надобно.

— До обеда ты в школе, правильно? — уточняет лекарка, что теперь надо мной старшая.

— Да, — киваю я, припоминая, какое нынче число. — Только завтра в школу мне не надо, а затем и испытания начнутся, — объясняю ей.

— Вот и ладно, — заметно радуется она. — И с испытаниями поможем.

В этот самый миг колесница останавливается в строю таких же, а меня на выход просят. С десятка полтора их стоит в ряду, а сверху слышны шутки и смех. С надеждой вступаю я в терем службы новой, но боязно немного, конечно. Богдана же, будто мысли читает — она меня бережно обнимает, и страх, уже к сердцу подступивший, куда-то исчезает.

— Здравы будьте, сестрицы, — громогласно приветствует всех лекарка. — Знакомьтесь с травницей юной.

— Здравствуй, травница! — множество лекарок со всех сторон мне радуются совершенно искренне, как будто я их близкая.

Но от этой их радости отпускает меня тревога. Миг, кажется, проходит, и вот меня уже вместе со всеми за стол усаживают, кружкой чая черного одаривая. Представляются лекарки, мне ласково улыбаясь, а у меня эмоций море просто, ведь я себе чего только не придумала, а они здесь сказочные просто. И видя мое удивление, одна из них, по имени Белава, других останавливает.

— Лекарки все сестры по ремеслу, да и по дару, — говорит она мне. — Все мы были юными, а раз ты среди нас, то испытали тебя. Потому никто не будет обиды чинить сестре нашей, понятно?

— Понятно, — киваю я, слезу непрошенную утерев.

А они говорят, что в лекарне обидеть могут, потому как там совсем другая история, но в службе новой мы будто в войске, где обиды чинить не по Правде будет. И слышать это необыкновенно просто. А вот затем спрашивать она меня принимается. Не испытывает, а именно расспрашивает, но выходит будто испытание, потому как обо всем же. А другие лекарки слушают внимательно, что я говорю, да удивляются.

— Знаний у тебя на лекарку младшую, — произносит, наконец, Белава. — Только опыта маловато. Значит, так и поступим. Богдана!

— Буде так, — сразу же отзывается лекарка моя старшая.

— Седмицу-две ее возишь, пусть опыт набирает, — наказ дает та, что меня спрашивала. — А то и поболе, а там будет испытание лекарское.

— То по Правде, — соглашаются с ней другие лекарки, а я удивлена сильно, ведь шестнадцать мне всего, а для лекарок года тоже важны, от них силы зависят.

Но Белава достает откуда-то из-под стола камень прозрачный. Я его знаю, в школе такой тоже есть — он силу ведовскую измеряет, да цветом выделяет. И молча кладет она его передо мной. Проверяет, понимаю ли я, что желает она. Я же, как учили, обе руки на камень особый колдовской кладу, к силе своей обратившись. И вот выходит она из меня, обнимая камень. В прошлый раз, зимой, он желтым стал, что для лекарки недостаточно, зато для травницы в самый раз, но вот сейчас что-то странное случается — мигает он и вмиг цвета леса становится.

— Так я и думала, — кивает Белава, а потом уже и мне улыбается. — Школьный камень всегда меньше покажет, дабы развитие было, а нас точно интересует.

И вот по ее камню выходит, что для лекарки вдосталь у меня сил ведовских. Как такое возможно в шестнадцать лет, я и не знаю, но доверяю лекаркам, ведь лучше они знают.

***

Усталая после дня трудного в терем я вхожу, но замираю враз. Старшина сотни за столом сидит, по петлицам если судить. Ну а так как устала я очень, то голова не враз включается, и сначала я его воинским обычаем приветствую, как учили меня, лишь потом сообразив, что батюшка это. Приехал, стало быть, как обещал, аккурат к моим испытаниям.

— Совсем иначе смотришься, дочка, — улыбается мне батюшка, к груди прижав. — Садись тогда трапезничать да сказывать, как дела твои.

— Да, сил она потратила немало, — улыбается матушка, совсем рядышком с ним сидящая. — Садись, Жданушка.

Батюшка с разговорами, пока я ем, не лезет, а только тихонько с матушкой переговаривается. Ну им надо наговориться, ведь давненько его не видела она. А я ужинаю, чувствуя, как восстанавливается сила ведовская и в сон тянуть перестает. Вот сейчас я доем и буду готова сказывать о том, как день мой прошел. Все же ездила я сегодня в самый свой первый раз с лекаркой. Ничего она мне делать не позволила, только смотреть и слушать. Вот только по нраву мне такая служба, даже очень.

— Что вам рассказать? — улыбаюсь я, тарелку отставив и за чай принимаясь.

— По нраву тебе служба твоя? — интересуется батюшка.

— Очень, — только и отвечаю я. — Будто действительно войско — скоро соображать требуется. А еще у меня через месяц неполный испытания лекарские, если хорошо себя покажу.

— Ого, — матушка удивляется, я вижу это. — Хорошо тогда.

— А вот меня совсем ненадолго отпустили, — вздыхает батюшка. — Неспокойно стало в западных пределах…

Я настораживаюсь, потому как выходит второй это уже звоночек. Но батюшку внимательно слушаю, а он рассказывает о том, что готовится что-то и неспокойно потому. Даже если решится немец напасть, я уверена, мы ему быстро охоту нападать отобьем и убежит он, порты теряя, в свой Бильскнир, куда совершенно точно рать Тридесятого придет, чтобы его историю закончить. Ну не дурак же он, на нас нападать?

Вот потому не беспокоюсь я слишком сильно, а все батюшку расспрашиваю о том, как в войске устроено все, да еще какие петлицы бывают, ведь все мне интересно. Время позднее уже, и почивать пора мне, ведь завтра испытания начнутся. Вот тут батюшка и говорит, что девиц начали сильнее в войско продвигать, даже платья специальные сделать Кощей повелел.

— И у вас девицы есть? — спрашиваю я, но качает головой батюшка.

— Некуда у нас девицу приткнуть, кроме как в лекарки полевые, — объясняет он. — А вот люди бают, что летниц могут начать набирать.

— Ну то меня не касается, — машу я рукой, потому как это Ладе важно — она в небе живет. — Мой дар лекарский, да и служу я уже.

— Очень хорошо, что служишь, — серьезным тоном батюшка мне говорит. — Ну-ка отправляйся почивать.

Бросив взгляд на оберег ручной, понимаю я — пора действительно. Потому, распростившись с родителями, отправляюсь к себе, чтобы спать улечься. Завтра у меня родная речь и науки точные, два испытания в один день, потому как служба моя так школу попросила. Вот и посмотрим, что мне Яга скажет, хотя, думаю, против она не будет. Ежели действительно девиц в летницы двинули, то занятие у легендарной нашей совершенно точно есть.

Засыпаю я моментально, и не снится мне совсем ничего, отчего, когда будит меня матушка утром, я поначалу и понять ничего не могу. Мнится мне — только что же глаза закрыла, а уже и утро. Но подниматься надо очень, потому как испытания ждут. Я уже тянусь за школьным платьем, да матушка головой качает, мне мое лекарское с петлицами травницы подавая, что удивляет меня.

— Ты теперь на службе, Ждана, — объясняет она. — Везде в воинском платье ходить повинна.

— А оно воинское разве? — не понимаю я с ходу сказанного мне. — Я думала, лекарское.

— Лекарское, — соглашается матушка. — Но все же воинское по слову Кощея. Устав воинский исключений не предусматривает.

— Вона как… — я задумываюсь на мгновение, а затем и платье натягиваю. — Буде так.

— Завтрак ждет, — говорит она мне, выходя.

А в горнице и батюшка уже на меня с улыбкой смотрит, но мне спешить надо, потому я быстро за кашу принимаюсь, едва успев доброй зари пожелать. Надо поспешить, ведь до ворот города еще добираться. К испытаниям я готова, и мысли мои сейчас не о них, а о том, что меня обещали учить хвори определять. Жутко интересное занятие, по-моему. Все мысли мои с лекарским делом. А еще батюшка обещал на днях на гуляния взять по случаю шествия в Златограде. Ему две седмицы отпуска дадено, потому еще время есть.

— Не спеши, дочка, — улыбается матушка солнечно. — Гляди, за тобой колесница твоя приехала.

Я выглядываю в окно и действительно колесницу нашу вижу. Только лекарки, по-моему, нет, а значит, только для меня ее прислали. И сразу думаю с теплом о Белаве, ведь лишь она может такой наказ дать. Вот я с завтраком заканчиваю, а затем, прихватив едь, чтобы не оголодать, выскакиваю из терема, уже привычно заскочив в колесницу нашу.

— Здрава будь, сестрица, — улыбается мне Добран. — Велено тебя до ворот довезти, чтобы на испытания свои ты вовремя добралась.

— Здрав будь, Богдан, — возвращаю я ему улыбку. — Благодарю от сердца.

И колесница наше шибко к воротам спешит, а ее все пропускают. И печки, и повозки разные дорогу дают, хоть сигнал особый и не зажжен. На колеснице есть звездочка такая, она показывает, что пропустить нас надобно. Но сейчас и без нее с охотой пускают, не ведаю, отчего. Быстро мы докатываемся до самых ворот, а стражник и не спрашивает ничего, сразу же их раскрывая.

— Добрых испытаний, — водитель колесницы нашей мне желает.

Я благодарю его, наружу выскакивая, а затем тропинку призываю, по ней идти принимаясь. Спешу я не сильно, потому как, разок на тропу ступив, припоздниться нельзя. Таковы чары путеводные, о них в пятом классе рассказывают. Оттого и ведомо мне это, ведь на одни отлично учусь я, прямо как Лада. Нет никакого повода плохо науки изучать, вот так и выходит у меня.

А дубы вокруг встают, оберегая, да березки кланяются ласкою Матери-природы обдавая. Я же иду улыбчивая, ведь все ладно у меня. А завтра меня еще и лекарству учить примутся, ведь определение хворей — не дело травницы, это уж знаю я очень даже. Значит, решили из меня лекарку младшую сделать, несмотря на малость лет моих. Любопытно мне очень, куда спешат лекари службы? Ведь совершенно точно торопятся они, а вот зачем… То вопрос посложнее будет.

О сладости нежной

На письменных испытаниях не вижу я Ладу с Варварой, а остальные здесь. Сегодня испытание у нас последнее, потому как науки разные первыми поставили, а это, родной речью прозванное, последнее выходит. А на службе завтра с утра только быть надобно, и послезавтра еще, а там день один полностью свободный, когда шествие будет. Дозволяют мне с батюшкой побыть, за что благодарность моя огромна.

А как уедет батюшка, так каждый день буду я на службе с утра до вечера. Бают и ночью служба работает, да только лет мне немного, оттого и не положено. Ночью почивать надобно, а не по широким улицам рассекать. И правильно это, так матушка говорит, а она все знает. Лекарка матушка моя, оттого и знает все. А я послушная очень, ведь как иначе-то?

А Китежград летней порою еще краше становится. Изваяния каменные об истории говорящие белеют ночами светлыми, дубы и тополя высокие шелестят листвой, а березки в Роще Ведуньей одна краше другой. И озеро Светлояр его водой поит, да от злобных духов бережет. На острове посередь него стоит Китеж наш, оберегаемый водой зачарованной. В озеро то любит люд погружаться, от усталости земной очищаясь.

Опять отвлекалась я, ожидая, пока Кикимора Александровна скажет, о чем писать надобно. А она стоит задумавшись, но затем улыбаться принимается. Значит, какую-то придумку имеет, а так как нечисть она, то непростой она будет. И вот она встает перед нами, чему-то усмехаясь так, как только она умеет, будто намекая на то, что пакость какую задумала.

— А напишите-ка вы о своем родном городе, — предлагает она нам.

Действительно, непростая тема. Мне, стало быть, о Китежграде писать надобно, потому что он мне родным и самым прекрасным кажется. Что же… Я обмакиваю перо железное новомодное в чернильницу, от проливания зачарованную, и приступаю. О Китеже я бесконечно говорить могу, ведь самый лучший он на свете город.

Удобная придумка эти перья, и в руке лежат хорошо. А вот при царе гусиными писали, а там навык нужен был. И все равно кляксы появлялись, а за грязь на бересте понятно, что бывало. Любили цари деток мучить и школу страшной делать. На наше счастье, Кощей прекратил это все, и теперь перья удобные да бумага вместо бересты. Да и не так бедно люд простой живет, а взамен каждый работать повинен. Пользу Тридесятому Государству приносить. И правильно это, по-моему.

А я пишу о площадях Китежграда, о его рощах и садах, о том, как ложится дорога под колеса колесницы, которую на колдобинах не мотает совсем, потому как ровные дороги у нас волею Кощея. И еще пишу о том, как заря над городом встает, новый день начиная. Очень красив город мой родной, загляденье одно. И песни на его больших площадях поют скоморохи да сценки всякие показывают.

А подруженьки мои, почитай, все в воинских одеждах. Петлицы у многих чистые, но платья по воинскому укладу, и что-то значить это должно, вот только что именно, не ведомо мне. Надо будет матушку спросить, отчего все в платьях воинских, ведь не бывало такого раньше. Тут возможно, что на каникулах все подруженьки куда-то записались, или же… Нет, не знаю.

Поставив точку, я еще раз просматриваю написанное, и будто живой Китежград перед глазами встает, улыбаться заставляя. Но пора уже и сдавать тетрадь испытательную да прочь отправляться. Погулять с батюшкой да матушкой по улице прямой и самой широкой, порадоваться солнышку летнему. А еще, люди бают, лакомство новое появилось, оно как молоко густое и холодное очень. Только слышала я о нем, а самóй пробовать не доводилось.

— Травница Ждана испытание завершила, — сообщаю я только грустно улыбнувшейся Кикиморе Александровне.

Так у нас не слишком принято, да только пообвыклась я в службе нашей уже, оттого и доклад держу. А она подходит, берет мою тетрадь и еще разок кивает, мне на дверь показывая. Я поднимаюсь и, распростившись, прочь ступаю. Сегодня отчего-то хочется мне по ступеням пройтись. Будто прощаюсь я с любимой школой, несмотря на то, что год еще учиться мне. Но есть у меня чувство такое, странное очень…

И медленно по ступеням я спускаюсь, думая о том, что мне завтра с утра в службу надо. А на душе тоска необъяснимая. И хоть знаю я, что ведуньи могут изменения в жизни чувствовать, да только не верится мне в это. С чего бы моей жизни так меняться? Нет ни одной причины для этого, потому думаю я, что взгрустнулось мне отчего-то. То бывает и задумываться не след.

А у терема самого батюшка с матушкой меня ждут, и я к ним кидаюсь, чтобы заобнимать, конечно. Интересно, как батюшка до школы добрался? Ответ на этот вопрос я сразу же и получаю — колесницу особую увидав, что только командирам положена. Вот, значит, как. А каковы причины этого, я не ведаю и вопрос задавать не буду.

— Не спрашиваешь, — улыбается батюшка. — Мы сейчас в Златоград отправимся, — поясняет он мне. — Награда тебе положена за год отличный.

— Буде так! — не задумываясь, выдаю я и только потом прыскаю, потому что смешно это очень получается.

— Хихикает она, — деланно ворчит он.

А затем колесница по полям и лугам… По дороге широкой, конечно, споро в стольный наш град спешит. Я же удивляюсь, ведь о другом речи с утра были, но делаю это тихо. Батюшке виднее: и как родителю, и как старшине. Вот так бы споро очень доезжаем до Златограда, дважды затем повернув. Батюшка из колесницы выходит, и меня на выход попросив жестом, а затем матушку бережно вынимает. Все же любовь у них настоящая, как Кощей говорит, истинная.

Истинная — это когда души друг друга дополняют, а не просто так. Вот матушка без батюшки и не может, оттого и тяжко ей очень, когда он уезжает. Она все ждет, когда я школу кончу, чтобы к нему в пределы западные отправиться. Я тогда самостоятельной стану полностью, вот тогда она и сможет уехать. Мне без них обоих грустно очень будет, но я потерплю, тем более не завтра это случится.

И вот батюшка ведет меня к кофейне необыкновенной. А я степенно иду, не забывая войсковых приветствовать, как уставом заведено. Они удивляются, но увидев петлицы мои, только улыбаются приветливо, что нравится мне очень даже. И вот мы внутрь заходим… Сама-то кофейня круглая такая, на площади почти в самой сердцевине стоит, а вокруг нее потешный городок расставлен. Внутри она полутемная, прохладная и будто ветерок дует еще, разгоряченные лица охолоняя. И нравится мне это сразу же.

***

Воздушная ласковая сладость в прозрачной вазочке нежного стекла меня совершенно покорила. Недешево оказалось новомодное «мороженое», но как же оно ласкает язык. Я даже некоторое время ощущаю его во рту, даже когда мы кофейню покидаем, гулять отправляясь. Так солнечно на душе у меня, так радостно, что даже хочется в баночку все вокруг засунуть, чтобы возвращаться, когда грусть-печаль одолеет.

А пока солнечно очень, и детишки играют у всех на виду, потому как сам Кощей сказал, что правильно это. Батюшка улыбчивый, и матушка тоже, а смотрятся они вместе так хорошо, что и мне радостно. Даже жалко, что уезжать ему скоро. Может быть, на новой службе можно сделать так, чтобы матушку отпустить с ним? Ну, чтобы она от разлуки не плакала.

Закончив с гуляниями, мы домой возвращаемся, а потом уже и вестник от школы прилетает с результатами ожидаемыми: все испытания у меня на отлично, за что хвалят меня родные мои. Радостные очень дни у меня выходят, но вот поутру надо мне на службу. И поднимаясь

уже привычно, натягиваю я платье свое воинское, чтобы после завтрака в ожидающую меня колесницу прыгнуть.

— Здрава будь, Ждана, — улыбается на мое приветствие лекарка моя старшая. — Сегодня мы с тобой до обеда самого кататься станем. А пока катаемся, буду я тебе рассказывать о науке лекарской.

— Ой, здорово! — радуюсь я, сразу же посторонние мысли из головы выкинув.

И хотя тепло вспоминаю я прошедший день, да работать пора настала, потому пока колесница катится, рассказывает мне Богдана сначала об оберегах, которые помогают определить, что случилось, а потом уже и как без них определить можно. Важно это лишь когда что-то очень срочное, а когда нет, то в лекарне все одно точно скажут.

— Сквозь пластину эту смотришь, — показывает мне Богдана. — И сразу видишь, что внутри творится. Сил это требует немало, потому сразу понимать надо, куда смотреть требуется.

— А как это понять? — интересуюсь я, ведь все же знать надобно.

— Вот ты у нас по книгам знаешь, какими хвори разными бывают… — начинает она свои объяснения, а я слушаю завороженно.

Даже и не заметив, что колесница наша стоит, впитываю я науку лекарскую. Но тут, будто желая показать мне ее слова, вмиг шар связующий оживает. В каждой колеснице такой есть, потому как блюдце с яблочком не поставишь здесь. И шар этот говорит, что на улице Стародавней у дома шесть дитя воздух теряет, аж синее. Добран вмиг что-то делает, отчего колесница с места срывается, воем, на горыныча похожим, люд распугивает.

— Ну вот и опыт, — кивает спокойно лекарка моя старшая. — Как мыслишь, Ждана, что случиться могло?

— Или заглотило чего дитя, или слопало, — с ходу называю я самые частые случаи детские. — Ежели имени не ведаем, вряд ли хворь долгая.

— Умница, — улыбается мне Богдана, кивнув.

При долгих хворях имя ребенка известно всегда, и тогда уже вместе с именем хвори главной вызов присылают. А раз у нас нет, то выходит только так. Бóльшую часть тяжелых хворей извели давно, а кое-какие и нечисть наша победила, оттого-то и спокойнее мне — не так много определять надобно.

А колесница тем временем шибко бежит очень, а затем останавливается. Глядь, а на завалинке мальчуган лет шести вдохнуть пытается. И спешит к нему лекарка, а я сквозь оберег смотрю, сразу же причину заметив. Но Богдана мне опыт свой кажет вмиг и без оберега заметив, что зубом молочным подавился мальчишка. Два долгих мига проходит, и вот уже дышит он спокойно. А я запоминаю, что и как сделала она.

Скоро уже шествие воинов, а затем распростится с нами батюшка, обратно улетая. Отчего позвали его раньше срока, не ведомо мне, да и ему скорей всего. Наказ есть наказ, и ничего с ним не поделаешь. Вот возвращается Богдана, меня сразу же расспрашивать принимаясь — что увидела я, что поняла и как все то же без оберега можно сотворить.

— Он глотать пытался и хрипел, правильно? — уточняю я. — Значит, в горле чего застряло.

— Умница, Ждана, — улыбается она. — Очень хорошо ты мыслить умеешь.

— Для четвертой, — снова шар переговорный оживает. — На Воротном мастер Здебор, с хрипом серым.

— Едем, — кивает она, и срывается с места наша колесница.

Вот это тот случай, когда хворь заранее известна. Мастер этот пылью дышал, отчего хрип серый у него завелся. И сейчас он воздух глотнуть не может, а мы ему привезем снадобье чудодейственное. Вот что интересно — а отчего его совсем вылечить нельзя? И вот этот вопрос я лекарке, совершенно точно знающей хворого, задаю.

— Он обережник, — объясняет она, стало быть, обереги ладит. — Пыль не обычная была, а особая, притом рот не защищал Здебор, оттого и хворь приключилась.

— Чаровная пыль выходит, — понимаю я, вздыхая.

Мастер-то мастер, но вот не прикрыл рот и нос, сам себе беду сотворив. Значит, не все взрослые понимают, что творят. Эта новость меня в глубокую задумчивость направляет. Ну а пока мы ездим к хворым разным. Детей больше всего, потому как пробуют они разное, вот и случаются неприятности. А я опыта набираюсь, да много знаний получаю, которых в книгах не найти совсем.

— Добран, давай к терему, — ближе к обеду говорит водителю нашему лекарка старшая. — Пора доклад держать и с планами определяться.

— Буде так, — кивает он, поворачивая колесницу.

— Ты завтра у нас отдыхаешь, — объясняет мне Богдана. — А со следующей седмицы начнешь готовиться к испытаниям, чтобы к жнивеню держать испытание лекарское.

— А… а почему? — удивляюсь я, на что она улыбается.

— Дар твой использовать надобно, — звучат ее слова, заставляя меня задуматься.

Вот чтобы прямо так спешили, слышу я впервые. Надо матушку расспросить, отчего так может быть, ведь вряд ли же дело в даре моем. Значит, не знаю я чего-то, вопрос только: чего? Обязательно матушку расспросить надобно, ведь нет мне восемнадцати еще, дитем я считаюсь, а мне дозволяют, как взрослой прямо. Но пока едем, пытаюсь я поразмышлять.

Вот для чего, предположим, нужно, чтобы лекаркой я младшей стала? И вот тут меня мысль озаряет: в лекарнях младшие лекарки не встречаются почти, лишь в войске да в службе нашей. А возможно ли, что делается это лишь для того, чтобы не помышляла я в лекарню ускакать? Но если так, то меня в постоянный состав, выходит, прочат…

В службе есть два состава — постоянный и нет. Те, которые не из постоянного — это водители да лекарки, они временно в службе, а так больше войсковые. Так вот, если задача меня в постоянном составе держать, то объясняется все. Но я же маленькая еще… или нет?

О мирном последнем дне

Сегодня шествие войска в Златограде, отчего мы с батюшкой и матушкой в одеждах парадных уже и готовы. Отнесет нас туда корабль воздушный, ну а к вечеру и батюшка на таком же нас покинет. Сначала шествие, затем гулять станем, и после уже разлука, грусти полная. Я-то хотела поначалу их вдвоем оставить, да батюшка сказал, что он нас одинаково любит и хочет, чтобы вместе мы были, ведь семья мы. У меня же задумка появилась — к кудесникам зайти, образ сделать попросить.

Есть такие чары, их много кто умеет творить, но кудесники лучше сделают. Я хочу попросить, чтобы батюшка дозволил его образ у себя хранить. У матушки-то есть, только не знаю я, зачарованный или нет, а я знать хочу, не болен ли… Если обод зеленый, знать все ладно, если пожелтел — хворь подкралась, ну а если… Если полностью черен, тогда только в Нави искать надобно.

Круговорот душ в младших классах изучают, и суть его в том, что никто в Тридесятом насовсем не умирает, а только в Навь уходит. В Нави Яга найти может, а умершие потом детьми малыми возвращаются, память свою оставив, но даже знать, что родная душа… Всем это ведомо, оттого не так страшна смерть для люда простого. Редко-редко из Нави может принести человека с памятью прошлой, но для того причины нужны важные.

— Жданушка, готова ли? — матушка интересуется. Она старается веселье показать, но грусть ее вижу я.

— Так есть, — по воинскому уставу отвечаю я, шутливо поприветствовав.

— Пойдем, дочка, — вздыхает она, мне руку, как маленькой протянув.

И берусь я за ее руку, изобразив послушную девочку, как я себе это представляю, отчего весело смеется батюшка мой. Так мы из терема выходим, идя по улице широкой, каменными домами да теремами уставленной. Шелестят листочки, откуда-то тянет хлебным духом, кто-то напевает весело. Уже и лавки открыты, да только нам сегодня не сюда надобно, а на поле летное, где летучий корабль обнаруживается.

Выглядит он обыкновенно, да только пускают в него не всех, и ведомо мне, отчего — он воинов перевозит. Сегодня же таких, как мы — семьи все вместе. Внутри него скамьи удобные расположены в несколько рядов, и сидит на них уже люд служивый. Все говорят промеж собой, приветствуют, и я против воли почти приветствую тоже.

— Здрава будь, травница, — кивает мне в ответ тысячник-печкарь. — Здрав будь, старшина.

— И тебе здравия, Златомир, — улыбается ему батюшка мой. — Ввечеру вместе летим?

— Мысль дельная, — тысячник кивает, а я с матушкой усаживаюсь.

— Все ладно будет, — говорю я ей, а она только вздыхает.

У воинов разговоры их воинские, а я матушку обнимаю, и улыбаться она начинает. Такова доля наша женская — мужей ждать, пока они подвиги всякие совершают. Это я не сама придумала, а матушка мне однажды сказала. Батюшка через два месяца насовсем вернется, только матушке наказал не говорить, чтобы даром стала весть эта.

Вот и отлетает корабль летучий. Медленно-медленно ввысь он подымается, дозволяя Китежград мой любимый с высоты разглядеть. Сквозь оконца малые вижу я башни его, сады зеленые и Рощу даже вижу, что силу ведуньям дает. А еще терем службы нашей и лекарни — детскую и обе взрослые, и красив он очень. Прекрасен просто град мой любимый, на озере стоящий.

А пока летим, замечаю я красоты земли родной: поля ее, леса, дороги, люда полные. На горизонте и Златоград встает, ярко на солнце крышами блистая. Совсем недолго лететь

оказывается, часа три всего. Это оттого, что летучий корабль у нас новый, он шибко летать умеет, чтобы воинов быстро доставлять. Вот какая забота ученого люда о защитниках наших оказывается.

А затем идет на посадку корабль летучий, и раскрывается столица передо мной, будто книга древняя, красотой поражая, а все же мне Китежград во сто раз милее. Стоит нам только травы коснуться, как на выход пора — шествие смотреть, а потом и погулять немного. Крепка я в своей мысли образ батюшкин сделать, очень мне это правильным кажется.

Вот выходим мы в ряды для воинов смотрящих, а не идущих, батюшка нам с матушкой и место даже показывает. А вокруг море просто людское — всем же интересно, как шествие проходить будет. Я оглядываюсь по сторонам, замечая тысячников и сотников, выделяющихся очень, с детьми они пришли да с женами, потому как слава Тридесятого показана будет сегодня.

— Здравы будьте, люди добрые! — обращается Кощей к нам всем, и мне кажется, будто с неба синего его голос доносится.

А Вождь наш великий говорит о том, что сильна Русь Великая, которая Тридесятое Государство, что свободны в ней люди и нелюди. Он много добрых слов сказывает, а затем велит и шествие начинать. А я во все глаза смотрю — на печки боевые, порядки пешие, богатырей идущих. Колесницы громобойные, колесницы небобойные, колесницы пушкарские…

Громким выстрелом сигнал звучит, и в небе алконосты появляются с горынычами, но не только они. Приглядевшись, вижу я медленно в ступах летящих девиц. Даже, мнится мне, я и Ладу заметить успеваю, из класса моего. Вот чую я: летит она среди девиц боевых сейчас, удаль свою показывая. А затем уже и речи звучат о том, что никакой немец на нашу землю не позарится, если умом крепок.

Я под впечатлением шествия, конечно, но все же иду к кудесникам. А батюшка совсем не возражает, но хочет и наши с матушкой образа с собой иметь. Зачарованные особо, чтобы всегда мы у его сердца были. Все мои устремления батюшка видит, будто помыслы читать умеет, прямо как Яга великая, но мне важно, что не возражает он. И вот, получив в руку заветный образ, на котором матушка с батюшкой запечатлены, я на шею его привешиваю, чтобы не потерять.

— Пойдем посидим, — предлагает батюшка, на оберег взглянув.

Совсем мало времени нам втроем осталось. И хоть ненадолго это, а есть во мне тоска глубинная, матушка уже просто плачет. Очень тяжко ей с батюшкой расставаться, но пока нельзя с ним в дальний предел улететь. И дело даже не во мне в этот раз, а наказ был всем воинам семьи домой отправить, подальше от предела, ведь случись что, в опасности будут. Хоть и нет дураков на нас нападать, а только с наказом не спорят. Вот потому и нельзя.

Матушка в батюшкиных руках, а я становлюсь так, чтобы их ото всех собой закрыть. И даже пусть самой мне плакать хочется, но я не буду матушку тревожить, ведь ей и само́й тяжело очень, а завтра мы или отправимся гулять в Рощу, или на службу, чтобы дурные мысли в голову не лезли. Мне кажется, так будет правильно.

***

Погрустнела матушка после расставания, но ко мне прислушалась. Прямо с утра берет она себя в руки, кивая на мою речь, в которой я говорю, что служба от грусти очень даже лечит. Можно, конечно, и в Рощу отправиться, да только неправильно это — матушка только сильнее разгрустится. И она это тоже понимает, со мной вмиг согласившись.

— Тогда я в лекарню, а ты на службу? — уточняет она, на что киваю я уверенно, ведь и мне грустно очень.

А еще отчего-то тревожно немного, и я на образ поглядываю, но зелен он, потому и успокаиваюсь я. Выйдя из терема, решаюсь пешком пройтись, ведь не ждут меня сегодня. А по

небу синему облака плывут и точки черные. Я приглядываюсь — алконостов вижу и сиринов еще. А чуть поодаль и горынычи большой тучей куда-то летят, уверенности мне добавляя.

Иду я по улице города нашего главной, что простирается с Захода на Восход, и думаю о том времени, когда батюшка насовсем вернется. Счастье будет, матушка улыбчивая будет всегда… Глядишь, сестрица или братец у меня появится, кто ж это знать может. А вокруг меня люд улыбчивый по случаю дня выходного. И видят они мой наряд, да не удивляются, ведь многие нынче в одеже, Кощеем установленной, ходят. Вот, например, поодаль пешая сотня куда-то торопится.

Заглядевшись, чуть поворот нужный не пропускаю, но все же сворачиваю в него и быстрым шагом уже к нашему терему, где служба расположена, шагаю. Колесница наша, четвертая, здесь же стоит, значит, или на месте Богдана, или отдыхает она. Но хоть в тереме посижу, грусть-тоску прогоню. Потому как за батюшку всегда неспокойно мне было, а сегодня отчего-то вдвойне. Ведуньи, конечно, могут беду чуять, да только в беду мне как раз и не верится.

— Ждана пришла, — улыбается мне Богдана, у окна обнаружившись. — Значит, поедем скоро хворых лечить. Ты чего это в день выходной?

— Батюшка вчера в войско улетел, — начинаю я объяснения свои, но ей того не надобно, очень понимающая лекарка старшая.

— И ты пришла грусть работой лечить, — кивает она, ласково эти слова произнеся. — Настоящая ты лекарка у нас.

Радостно мне от этих слов очень даже, отчего тревога уходит. А Богдана тем временем на выход идет, меня за собой зовя. Знать, время пришло, в колеснице нашей вызова ждать. Белава-то строгая, жуть просто, требует, чтобы от вызова до выезда не больше трех минуток проходило, вот потому и лучше прямо в колеснице ждать. И выходим мы на улицу, к колеснице нашей двинувшись. Вот в этот миг все и происходит.

Прямо с неба звучит звон колокольный, что сигнал «Внимание всем» отбивает, что необычно очень. Грозно звучат колокола невидимые, тревожно, повторяя сигнал стародавний, что на вече людей собирать должен. Но сегодня, по всему видать, причина иная. Предчувствие чего-то тревожного окатывает меня студеной волной. Взгляд в небо подняв, вижу я лик Кощея, суровостью наполненный. Так-то обычно он добротой окатывает, но только не сейчас.

— Слушайте, граждане Свободного Тридевятого Государства! — гремит голос его, каждому хорошо знакомый. — Труженики мастеровые, крестьяне полевые, воины и богатыри ратные, ведуньи мудрые, матери и сестры, братья и отцы — слушайте!

И замирает движение: останавливаемся мы с лекаркой, в небо задирает головы люд праздный, колесницы движение свое останавливают. А прямо из синевы, вмиг грозной становящейся, несется весть недобрая, ведь кому такое по нраву может быть? Кощей размеренно говорит, но будто камни тяжелые, на землю его слова падают. А стоит лишь вслушаться, как зябко становится на душе.

— Сегодня на заре ранней, без весточки и без вызова, рать чужестранная перешла наши рубежи. Немцы чужеземные ударили громенями по городам многим, нарушив мир, что держался честно, — говорит он нам, показывая — не шутка это вовсе. — Враг не послал ни посла, ни грамоты, а сразу принес огонь и разорение. Пали житницы, загорелись дома, пролилась кровь людская.

— Ой, мамочки, — тихонько шепчу я, рукой за образ взявшись, но обнимает меня Богдана, отчего спокойнее становится.

— Сегодня говорю я слово решительное: встать всем народом на защиту Государства Тридесятого, — приказом звучат его слова. — Артелям — укрепить труд, крестьянам — снабдить страну, воинам — держаться, берегиням — поддержать ратников, матерям и сестрам — нести дух стойкости, отцам и братьям — стать плечом к плечу.

И тут я понимаю, отчего страшно мне — Кощей силою своею не сокрушил немцев, знать, не все так просто у нас. Может быть, сила равная, али еще обряды черные какие, отчего и не сумел он, да только кто у немцев на такое способен-то? Припоминая, что в школе учили, понимаю — нет у меня ответа.

— Теперь вся сила Тридесятого Государства поднимается: и Златоград, и Китеж-град, и Кощеград, и все деревни и села. Народ встанет стеной, а Кощей поведет державу вперед, твердо и без страха, — Кощей, о страхе заговоривший — это что-то странное. Значит, надо старших спрашивать, что же делается такое. — За нами Правда, мы победим![1]

А за словами его звучит песнь стародавняя, что еще во времена царя Гороха людей и нелюдей на бой поднимала. И понимаю я в этот миг — нет больше жизни старой, мечтаний моих и тревог, теперь у нас единое дело. У всех нас единое, но что делать я не знаю. Богдана же меня обратно ведет, знать для разговора важного. Что же, готова я.

— Что бы вы ни хотели сказать, — встречает нас Белава отповедью с ходу, — здесь ваше войско и битва ваша тоже здесь[2].

— И клятва будет? — удивляется лекарка моя старшая.

— И клятва будет, — Горазда увидеть я не ожидаю, но вытягиваюсь перед ним. — Как же без клятвы? Без нее вы у меня разбежитесь… Ну-ка, Ждана, шаг вперед.

— Буде так! — отзываюсь я, шагнув.

— Повторяй за мной, — наказует самый важный в службе человек.

И я повторяю за ним слова клятвы воинской. Падают они одно за другим в тишину, а вослед за мной повторяют лекарки и водители наши. Каждое слово важным оказывается, ведь именно сейчас в войско Тридесятое меня принимают. Хоть годами не вышла я, только, по всему видать, неважно это уже, ведь враг к нам пришел. И хоть уверена я, что прогонят его быстро, но…

— Клянусь быть храброй, стойкой, неусыпной в дозоре, блюсти тайны, мне доверенные, исполнять уставы ратные и повеления воевод и старшиц без промедления и ропота, — слова мои звучат, и чую я — нет у меня пути назад.

Так тому и быть отныне.

[1] По мотивам обращения Молотова 22 июня 1941 года.

[2] По мотивам приказа по ленинградской службе “Скорой Помощи”, 23.06.1941.

О сгустившихся тучах

Матушка клятве моей порадовалась, а вот отчего, не сказала. Но служба наша отныне действительно как войско — даже доклады есть. Каждое утро доклад и еще вестник о том, что за ночь в Китежграде случилось. И хоть знаем мы, что победа вскорости придет, ведь непобедимо Тридесятое Государство, а нынче мы будто в бою. Каждый из нас.

— Ждана с Богданой, — командует Горазд, — сегодня вы только в западном пределе. Смотреть внимательно, чуть что — тайников звать.

— Буде так! — отвечает лекарка моя старшая.

Тут дело вот в чем: вчера поймали лазутчика немецкого, что за злато черное желал колодцы отравить. Вот теперь нам внимательными быть надо, потому как люди — они разные очень. Есть и те, что за злато матушку продать готовы. Разговор у тайников с такими короткий, но ведь и поймать надобно. А вести пока туманные. Вестник Кощея лишь направления называет, а не сказывает о том, что мы на ворожьей стороне всех побиваем, отчего тревожно мне.

— Пойдем, травница Ждана, — вздыхает Богдана, меня на выход направляя.

— Буде так, — в ответ говорю я, потому что положено так.

«Травница Ждана» — отныне звание мое, в петлицах отображенное. А Богдана — «старшая лекарка», и Белава тоже, к примеру, а есть у нас и младшие, я лично видела. Мой наказ теперь учиться, набирать опыт и держать испытание. Куда торопятся старшие товарищи, я не очень понимаю, да только войско тем и хорошо, что много думать не надобно.

— Ты думаешь о том, что Вестник туману напускает, — вздыхает старшая летница. — Добран, на западный.

— Буде так, — спокойно отвечает ей водитель наш.

— Думаю, — киваю ей. — Нет вестей о победах на поле боя, и тревожно мне.

— О победах кричат громко, да, — кивает она и замолкает.

Я не спрашиваю, осознавая — ответ она мне дала. Ежели о победах нет криков радостных, но что-то все же говорят, значит… Нет, не хочу я о том думать. Просто заминка какая случилась, а вот прямо завтра нам обязательно скажут, что идет войско на Бильскнир. Иначе и быть не может, ведь Тридесятое — самое лучшее государство! И пусть придумал что-то немец поганый, чтобы Кощею не дать себя сокрушить, но воины наши умелы и смелы, я же знаю.

— Четвертая, — оживает шар переговорный. — У западных ворот хворь странная.

— В пути, — коротко отвечает Богдана. — Добран!

И срывается с места колесница наша, отправляясь к самым западным воротам, чтобы узнать, что за хворь обнаружилась. Едва не забыв, надеваю я оберег ограждающий. Он шлемом выглядит, нос и рот закрывая, притом чтобы хворь в них не залетела да внутрь не пробралась. Спешит колесница, ревом распугивая люд зазевавшийся, я же смотрю в оконце, замечая — меняется град Китеж. Всего несколько дней прошло, а меняется он, будто готовясь к чему-то, имени чему я и не знаю.

Останавливается колесница, а перед нами обнаруживаются тайники. И вот они показывают нам жестами уезжать. Богдана за шар берется, докладывать принимаясь, а Добран задом колесницу медленно сдает. Лекарка старшая говорит, что видит, ну и то, что нам показали, притом водитель наш изображает, что не выходит у него быстро развернуться.

— Подтверждаю, — звучит наконец голос Горазда. — Можете уезжать.

Что это было, мы совершенно точно потом узнаем, а сейчас у нас путь обратно, туда, где западного предела Китежграда улицы сходятся. Но вызовов у нас до самого вечера нет, будто вмиг все хворать перестали. Что-то это значить должно, но вот что, неясно мне. А вот вечером меня не домой везут, а в терем наш, служба в котором находится.

И вот тут я узнаю́ о новостях. Война приносит нам новые слова: «светоскрыт», «громень», «небобой», «громоубежище»… Тайник рассказывает лекаркам о том, что светоскрыт важен, потому как не позволяет он город с воздуха увидать. Звучит это очень зловеще, ведь выходит, что враг аж досюда долететь может. Осознавать это страшно, к тому же нас упреждают, что говорить об этом до поры нельзя. Вот только отчего так, я не понимаю.

— Я расскажу вам, — вздыхает Горазд, когда тайник уходит. — О круговороте душ все помнят?

— Все помнят, — вздыхает удивившаяся поначалу Белава. — Что?

— Убитые немцами воины в Нави не появляются, — отвечает он, а я сначала даже не понимаю, что он сказал, но затем озаряет меня, отчего я всхлипываю.

— Тише, Жданушка, тише, — прижимает меня к себе Богдана.

Все в горнице отдыха бледные сидят. В глазах лекарей ужас, как и в моих наверняка потому что новость эта очень страшная. Если они не в Нави, то либо души в полоне, либо окончательной смертью умерли. Как такое возможно, я и не знаю, уже желая бежать к Яге, чтобы спросить ее, но лекарка старшая меня держит, к себе прижимая.

А я себя растерянной чувствую, даже не задавая себе никаких вопросов, а вот Горазд рассказывает, что отступает наше войско, потому как оружие у немцев страшное, да и убивает он всех подряд, а жутко это очень. Потому все возможно, и нам нужно силу внутреннюю сохранять. А Богдана меня гладит, успокаивая, потому что новости страшные очень. Но вот если души в Навь не попадают, то образ может не сработать — он сравнивает с Навью, насколько я помню.

— Горазд, дозволь молвить, — негромко прошу я, и старший наш сразу же ко мне поворачивается.

— Что, Жданушка? — ласково спрашивает он.

— Можно ли как-то сделать, что если вестник… — я запинаюсь, но беру себя в руки. — Чтобы он ко мне, а не к матушке? Она не переживет, если черный вестник.

— Можно, травница, можно, — уверенно говорит Горазд. — Немец хочет уничтожить Китежград, потому сейчас я к главному тысячнику поеду. Будем думу думать, как град наш защитить, а вы — по домам.

Он прав, конечно. То, что мы сейчас ведаем, никто не знает, а мне главное — не плакать. Матушка поймет, но главное — не расплакаться от вестей жутких. Представлять ничего не буду я, а то напридумываю и хуже себе сделаю. А я должна город родной защитить. Горазд же говорит, что именно тем мы в службе занимаемся, значит, правильно все. Ну а будет трудно…

Не верю я и не хочу верить, что бегут наши воины. Наверняка дело в другом, нам неведомом, потому никогда не подойти им к Китежграду, никогда! Мы обязательно победим, а пока надо, как батюшка говорит — только чуточку подождать, и все сладится. Воины наши самые сильные на свете, горынычи — самые яростные, печкари — самые смелые. Они совершенно обязательно загонят немца поганого туда, откуда он выполз, так что и бояться нечего.

***

Отчего я так легко поверила, что батюшка погибнуть может, мне Богдана объяснила, но сейчас я дома сижу, почивать готовясь, а матушки все нет. Задерживается она в лекарне детской, а люди в городе бают, что потянулись беженцы из земель дальних. Это не слишком хорошо, потому как не считает никто едь на большее людей и нелюдей количество.

— Слушайте, люди, слово Вестника Кощеева… — голос этот всем известен и ото всюду слышен. — В течение дня вели наши воины ожесточенные бои на Китежградском направлении. Вечной славой покрыл себя десятник Иван, жизнью своей выкупив отступление обоза…

Будто холодом пробирает меня от этих слов. Зябко становится просто, ведь «китежградское направление» — это близко, выходит? Надо будет на службе спросить, чтобы ничего себе

не придумать. Направление на Китежград, может, и для удобства принято — так я себя уговариваю, но понимаю — все возможно, потому надо учиться себя в руках держать. Вот и вестник летит ко мне, но не черный, которого я боюсь.

— Жданушка, не жди меня, — говорит он матушкиным голосом. — Ложись почивать, я до утра не вернусь.

— Буде так, — вздыхаю я, осознавая, что работы теперь у всех прибавится. — Потап Михалыч, давай вечерять.

— Все слышал, — сообщает мне домовой. — Откушай да ложись, утро вечера мудренее.

Ласков он со мной нынче, все понимает Потап Михалыч, ведь, выходит, беда большая пришла в Свободное Тридесятое Государство. Я так чувствую вовсе не потому, что в силы войска нашего не верю, а лишь оттого, что рассказали мне нынче. Страх забирается в душу, но гоню его я. Все ладно будет, я уверена, ведь давеча вестника от батюшки получила — воюет он силу несметную немецкую, говорит, скоро прочь ее погонит. И заулыбалась матушка сразу, голос милый услышав.

Вот с такими мыслями отправляюсь я почивать, чтобы утром на службу затем идти. Пока лето, в радость мне по улицам Китежграда ступать, а что зимой будет, так я и не думаю. Печки ходят, колесницы ездят, чего тут задумываться? И закрываю я глаза, а снится мне то, что сегодня видела — как мешками окна закрывали в лавках всех да Гостиный Двор красили так, чтобы он на себя не похож был. Ну а ночью отныне темен град мой родной, потому что светоскрыт.

А поутру будит меня Потап Михалыч, даря понимание — так и не вернулась со службы своей матушка. Мне же завтракать пора да на свою уже службу собираться. Дело уже привычное, а что по осени будет, я не думаю, ведь до тех пор война совершенно точно закончится. То, что сейчас у врагов успех наметился, не значит ничего еще, ведь наши воины все равно силы огромной и сумеют одолеть немца поганого, как-то сумевшего силы великого Кощея запереть.

— Откушай каши, Жданушка, — будто гладит меня домовой наш. — Сила тебе понадобится сегодня.

— Благодарствую, Потап Михалыч, — ответствую ему и усаживаюсь за трапезу утреннюю.

Солнышко встает, золотя крыши теремов каменных в самом сердце Китежграда и совершенно не верится мне, что недалече уже враг коварный, желающий нас изничтожить до последнего человека, да и не только. Я же ем утреннюю кашу, наслаждаясь ею, и мечтаю о том времени, когда батюшка вернется. Хорошо бы до начала учения, чтобы могли мы погулять по улицам, и знала я, что живой он.

Закончив с завтраком, выхожу на улицу, торопясь на службу, ведь опаздывать очень плохо, а «очень плохо» мне совсем без надобности. Меняется Китежград, заметно это очень: скрыт везде накладывают — и чарами, и краской особой, — еще укрывают острые пики башен, незнамо от чего. Пока иду, вижу огнебои стоящие, будто ворог уже в град наш вступил, да еще небобоев множество, а возле них воины совсем юные, как мне мнится. Охранят Китежград, совершенно точно.

— Слушайте, люди, слово Вестника Кощеева… — Вестник намеком мне служит, что поторапливаться на службу надо, припозднилась я. — В течение дня вели наши воины ожесточенные бои на Китежградском направлении. После битвы великой Елисейск, немцами сожженный, был нами покинут…

Град этот, в честь царя бывшего прозванный, недалече совсем, и от понимания этого, сердце мое сжимается. Не впервой слышу я «покинут» да «оставлен», отчего вера в скорую победу гаснет потихоньку. Но спешу я на службу, в тереме заветном появляясь за минуту до времени. Только не на выезд мне надо, потому как Горазд всех собирает, сказать что-то желая.

— Лекарки и водители колесниц лекарских, — обращается он ко всем нам в горнице большой, где все мы помещаемся, — ожидаем мы налеты нечисти немецкой летучей, а потому расскажу я вам о громоубежищах.

И начинает он сказывать о сигналах новых, куда надо прятаться, едва только услышим, как глядеть за детьми и жителями. Он говорит, что если не спрятаться, черный огонь ворожий спалит все и ничего не останется. Притом еще много чего сказывает, отчего мне совсем не по себе становится. Ежели вот настолько серьезно сказы пошли, то действительно мы в опасности, выходит.

— Все поняли? — внимательно в глаза нам смотрит наш самый главный. — Тогда — в добрый путь.

И мы расходиться принимаемся. Я же к Богдане спешу, в глаза ей заглядывая. Лекарка старшая только вздыхает, меня рукой приобнимая. Ведет наружу, прочь из терема, но вполголоса начинает рассказывать. Оказывается, не все вести я узнала — в Китежграде народа много, а припасы имеют привычку кончаться. Потому у каждого оберег будет особый, по нему станут едь выдавать, чтобы на всех хватило. Только у войска питание из котла, и еще у нас будет, но попозже.

— Страшно… — шепотом признаюсь ей.

— Всем страшно, Жданушка, — вздыхает она. — Никогда не было сего, да только ничего мы сделать не можем. Потому надо что?

— Смело служить? — предполагаю я.

— Умница, — улыбается Богдана, помогая мне в колесницу забраться. — Что, Добран?

— Тихо пока, лекарка старшая, — качает головой наш водитель, как-то сумевший попереди нас в колеснице оказаться.

— Тогда двигай помаленьку к западному пределу, — решает она, и колесница с места срывается. — Лучше там постоим, чем идеи ненужные пойдут.

У нее речь правильная, прямо как Кощей молвить приказал. У меня-то пробивается, а вот лекарка старшая совсем правильно разговаривать умеет. Надо и мне тому поучиться, ведь не зря же Кощей приказал словеса менять? Ему-то всяко виднее, Вождю нашему бессмертному. А пока можно и подремать, потому что усталой я себя чувствую отчего-то.

О жизни в осаде

Совсем нечасто матушку мне видеть приходится, много дел у нее в лекарне детской отчего-то образовалось. Тем временем уже и ревун подкрадывается, а у меня нынче испытание лекарское. Богдана молвила давеча, что вполне готова я, потому будет сегодня испытание. А еще ворог близко подобрался, и надежды на скорую победу нет уже. Вчера вестника от батюшки получила я, молвил он своим голосом, что силища у немцев огромная да подлая, оттого и переломить ее пока не удается.

Дождь с утра зарядил, да ветер еще пронизывающий, ну да обереги справятся, я же аккурат после трапезы утренней отправляюсь в терем служебный. Праздно гуляющих нет совсем, кто ходит по улице — все по делу, насколько вижу я. А у меня вопрос, который на службе задам я. С первого ревуна же в школу надобно, а я день-деньской на службе и как теперь?

Поворачиваю привычно, увидав сразу же, как на терем службы аж два небобоя сверху ладят. Ничего необычного в этом нет, и хоть не было еще налетов нечисти поганой, да люди бают, Елисейск именно так и погиб — налетели гаргульи да пожгли всех пламенем черным. Наверное, потому и стараются побольше небобоев поставить, вот и не говорю я ничего, спокойно в терем вступая.

— Здрава будь, старшая лекарка Богдана, — по уложению воинскому приветствую я наставницу свою. — Травница Ждана явилась пред очи твои.

— Здрава будь, травница Ждана, — важно кивает она мне, а потом хихикает тихонько. — Пойдем, будешь показывать умение свое.

— Сразу? — удивляюсь я, но послушно иду за ней, только не в нашу горницу, а в ту, что рядом.

— Здравы будьте, — только и могу пискнуть я, увидав, кто там собрался.

Главные лекарки Китежграда ныне предо мной сидят и смотрят строго, отчего робею я поначалу, но затем выпрямляюсь гордо, ведь травница я. Пообвыклась уже в службе, откуда обещали не прогонять, так что бояться нечего. Не возьмут в лекарки, так и травницей тоже быть хорошо очень даже. Та, что в центре сидит, Велиславой зовется, враз улыбаться принимается.

— Здрава будь, травница, — с лаской в голосе говорит она. — Доказать тебе нынче надо, что достойна ты лекаркой называться.

— Буде так! — тут ответ лишь один возможен, но и сам вопрос…

Мне доказать надо, что достойна я так называться, а не являться лекаркой, что очень многое значить может. И вот начинают меня спрашивать, сначала по знаниям гоняют, но там я что угодно ответить уже могу, потому что Богдана меня же тоже спрашивала, оттого знаю я все. А вот затем зовут меня в дверь неприметную, а там тела мертвые лежат, которые на самом деле, а не куклы уже.

— Вот у нас дитя, — показывает мне Велислава на мальчугана лет пяти от роду, совершенно точно мертвого. — Скажи-ка нам, от чего помер он.

— Буде так, — отвечаю я, а сама щеку прикусываю, чтобы дурно не стало.

А выглядит мальчонка так, будто пинали его или копытами топтали. Страшно очень он выглядит, и я пытаюсь понять, что случилось. Его уже раскрыли, дозволяя мне внутрь глянуть, но мне это и не нужно вовсе. Раны у него не от хвори, а будто боевые. И вспоминаю я все, что о том читала. Была книжица у матушки о боевых ранах, вот я глаза прикрываю и прямо по тому списку сказывать начинаю. Может, и ошибаюсь, да только выхода у меня все равно нет.

— Стало быть, близкий разрыв его убил, — объясняю я свои выводы.

— Все сделано было для того, чтобы стойкость твою испытать, — объясняет мне лекарка главная, вздохнув. — Да только показала ты знания важные и думать умение, младшая лекарка Ждана. Потому все ты мне доказала.

Поначалу я даже не понимаю, что она мне сказала, а вот затем радостью захлестывает меня. Я теперь, случись что, и сама могу ездить, да только лучше, чтобы не случалось, все же спокойнее мне с Богданой. Ну а затем празднуем мы, конечно же, потому что новой лекаркой больше стало. Так мне Горазд объясняет, потому улыбчива я очень.

— Богдана, а в школу, выходит, не надо? — спрашиваю я наставницу.

— В школу пока не надо, — кивает она, о чем-то задумавшись. — Как начнутся уроки, нас известят.

— А разве лекарское звание… — заговариваю я о том, что беспокоит меня.

— Нет, доучиться надобно будет еще, — смеется она, и я понимаю — школа никуда не денется.

Ну а стоит нам закончить, и время наступает — пора на службу, да только не успеваем мы. Стоит только из терема выйти, как реветь что-то принимается. Громко и отчаянно, вовсе не так, как горынычи на шествии. Рев все сильнее, все страшнее, он пугает меня и замираю я на месте, но Богдана тащит меня к громоубежищу. Она совершенно точно понимает, что делает, потому я не сопротивляюсь. Ну а затем и голос прорезается, навроде Вестника Кощеева, да только не он:

— Люд свободный, шибко в убежище беги! — говорит этот голос, но я все еще не понимаю, что происходит.

— То предупреждение о налете, — спокойно мне лекарка старшая говорит, глядя за тем, чтобы не оступилась я. — Потому спрятаться надо, а затем уже будет у нас труд.

И вот тут, откуда-то сверху часто-часто хлопать начинает, а затем уже и терем наш, в подземной горнице которого спрятались мы, прямо подбрасывает. Разок, другой, третий… Что-то сыпется сверху, но кроме громких бахов и частого хлопанья, ничего не слышу я. Страшно очень, ведь ходуном горница ходит, хорошо, что не одни мы в ней — еще лекари и водители набились, отчего ужасом черным не так накрывает, как могло бы.

И вот, наконец, затихает все, тихо становится очень, а затем и рев откуда-то слышится, сигнал нам подавая, что выходить позволено. Богдана первой на ноги встает, и меня поднимает, как младшую прямо, затем уже к лесенке вверх ступая. И я вослед ей иду, страшась увидеть разрушенный Китеж. Очень мне боязно это, только нельзя все время в громоубежище сидеть, да и лекарки мы…

Ну что сказать… Терем наш уцелел, и колесницы, что под навесом стояли, а улица сама дымится. Дальше дом был, его нет совсем, лишь проплешина, черным дымом исходящая, и все. Ну и много… непонятно чего накидано вокруг. Надо бы узнать хоть, что это такое тут…

— В колесницу, лекарка младшая, — приказывает мне Богдана. — Мы сейчас совершенно точно нужны.

— Буде так! — отвечаю ей, бросаясь к нашей, за номером четыре.

Добран уже и внутри обнаруживается, оттого сразу мы с места мчим на улицу центральную, ведь насколько видно мне, очень там все нехорошо. Стоит нам выскочить на нее, сразу же колесницы огнеборцев видны становятся, указывая нам, куда править надобно.

***

Насмерть стоит войско наше, не пуская немцев к Китежграду, да только вплотную подошел он, люди бают. Матушка усталой выглядит, но за меня порадовалась, конечно. Налеты нежити немецкой почитай каждый день, и не каждый отбить выходит. А еще колдуны немецкие, что «магами» прозываются, заморозить нас хотят, но волхвы им противостоят, так что не выходит у нежити.

— Четвертая, — оживает шар переговорный, едва только громени с неба падать перестают. — На Отводном, семь, тяжелые поражения.

— Буде так, — вздыхает Богдана.

И снова срывается с места колесница наша, спеша туда, где мы очень нужны. Привычным это становится, а еще матушка говорит, что можно в лекарню спать приходить, к ней прямо, потому как она ближе дома оказывается. Страшится она черного вестника, беду несущего, а обычных от батюшки с ревуна, почитай, не было, и неведомо мне, отчего так.

Вот и Отводной канал, что нечистоты из города отводит. Стоит колеснице остановиться, как спешу я уже, ведь вижу все. Громень рядом упал, двое детишек поранены, а мама их, по всему судя, уже в Нави давно. И я принимаюсь холстом перевязывать раны детские, как совсем недавно читала только, да все поменялось у нас давно. Теперь хвори отступили, а все больше пораненых… Сплошняком, почитай, только пораненные да убитые. А есть еще и исчезнувшие, кого немец поганый черным огнем спалил.

И несемся мы к лекарне матушкиной, когда вижу я ядра летящие. Вот то, что настолько близок враг, я и не думала даже. А прямо перед нами в дом попадает ядро огромное, черным дымом объятое. За ним еще и еще, вот рев уже раздается, о налете говорящий, да только поздно. Добран, выворачивает колесницу, и ядро за нами падает, а мы спешим.

Я от страха и сказать ничего не смею, но вижу — летят ядра, и огненные, и черные, страшные. Бьют они по Китежу моему, и мнится мне — стонет град наш избиваемый. Стонет и плачет он, а нам надо деток доставить, затем уже взад ехать, ведь нашли ядра жуткие жертвы свои. Жутко мне оттого, но ничего не поделаешь — надо. И вот останавливается с ходу колесница наша у лекарни, а мы с Богданой наружу спешим, чтобы деток передать.

— Ждана? — матушка удивляется. — Что у вас?

— Дети лет десяти, — рассказываю я. — Раны осколочные, слепые.

— Ясно, — она только вздыхает, но времени и у нее нет, потому обнимает меня только. — Что там?

— Ядра на град наш падают, — я тихо всхлипываю, а матушка вмиг хмурой становится, ведь знает она, что значит это.

— Ждана! В колесницу! — командует Богдана, и спешу я.

Только успеваю внутрь вскочить, как Добран движение начинает. В этот миг понимаю я, что не летят ядра больше, и выдыхаю облегченно. А Богдана в окно смотрит, коротко водителя нашего направляя, будто точно зная, куда нам надо. А может, и знает, у ведуний свои пути… Я подрасту, доучусь и тоже многое знать буду, ну а пока надо людей спасать. Да и нелюдей тоже, ведь нет разницы промеж них.

— Китежград в осаде, — говорит мне старшая лекарка. — По берегу Светлояра рать стоит наша, да жмет ее немец проклятый. Вот только некуда отступать, ведь убить всех нас немец обещался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.